

Монеты и ракеты в условиях кризиса порядка

Маркс в 1850 году и Ленин в 1905-м. Марксистская школа располагает инструментами для исследования накапливающегося напряжения в условиях *кризиса мирового порядка* – не впадая при этом ни в долгое выжидательство перед грядущим мифическим разрывом истории, ни в бессвязный максимализм, который каждое сотрясение объявляет решающим. Маркс и Энгельс в 1850 году связали экономический кризис, политические потрясения и *“большие события на континенте”*¹ в предсказании рабочей революции в Англии. Это предсказание, отмечает Арриго Черветто в книге *“Трудный вопрос времени”*, на сбылось из-за того, что Крымская война и экономический кризис 1857 года не совпали по времени. Но это понятие станет частью генетического наследия стратегии: *«Концепция кризиса в понимании Маркса и Энгельса содержит в себе как экономический, так и политический цикл (в частности, военный)»*². В 1905 году Ленин подошёл к буржуазной революции в России с гипотезой *“двух путей”* – вариантов ускоренного или замедленного темпа – и с политическими сценариями, взятыми из европейского опыта: прусским путём *революции сверху* и ускоренным вариантом *французской хорошенькой передраги*³. Столкнувшись с политическим, социальным и военным кризисом в России, Ленин формулирует две гипотезы, которые представляют собой не произвольное чередование противоположных прогнозов, а более или менее противоречивое выражение фундаментальных тенденций развития, выявленных научным анализом.

Именно с таким аналитическим инструментом мы подходим к вопросу о времени наступления *кризиса порядка*, прослеживая два возможных направления развития *«цепи частичных конфликтов»*, предвещающих либо цикл *«первооружения и колоссального, беспрецедентного напряжения»*, либо *«катастрофический разрыв»* в результате вспышки войны между великими державами. Войны на Украине и в Газе, *сточасовая война* между Индией и Пакистаном и открытие нового фронта между Ираном и Израилем – первые звенья этой цепи. К ним на экономическом поле добавляется война тарифов Дональда Трампа: пока это *частичная экономическая война*, ограниченная торговым полем и рамками американской мощи, с отдельными вторжениями в финансовый сектор и сферу стратегически важных сырьевых ресурсов.

Разумеется, даже замедление темпов кризиса – когда цепь частичных конфликтов отсрочивает общий пожар – всё равно представляет собой ускорение по отношению к предыдущим стратегическим рамкам: история снова начала бежать – в *новой стратегической фазе 2000-х годов*, с эпохальным переходом Китая к империализму. Растущая напряжённость, сближение основных империалистических сил в гонке первооружения и возвращение ядерного вопроса являются наиболее очевидным тому подтверждением. Наконец, развитие *экономического и военно-политического циклов* должно рассматриваться во взаимосвязи. В обозримом будущем экономическая война и обычная война будут двумя *“рогами”*, за которые следует ухватиться при анализе. Тесная связь между этими двумя формами противостояния подтверждается как практикой, так и разработками в верхах буржуазии.

Так, в своей речи в берлинской школе управления Hertie, Кристин Лагард называет основой глобального статуса евро такие *«столпы»*, как глубина рынка капитала, эффективность политической централизации и авторитет европейской военной силы. По мнению президента ЕЦБ, порождённая самими Штатами неуверенность в доминирующей роли доллара создаёт предпосылки для *«глобального момента евро»*; это возможность, которую Европа не должна упустить, но влияние не достанется ей автоматически: она *«должна будет его заслужить»*. Лагард излагает программу европейской политики, а также курс действий в отношениях между державами. С точки зрения нашего анализа, мы в буквальном смысле находимся на территории *«монетарного оружия»* – в двойном значении, введённом Черветто в 1967 году по случаю девальвации фунта стерлингов.

С одной стороны, пишет Черветто, монетарное оружие сочетается с военным оружием в борьбе за раздел мирового рынка, и *«как различные капиталистические группировки сталкиваются своими военно-экономическими потенциалами, так они сражаются и на финансовом поле – при помощи монетарного оружия, столь же технически сложного, как и военное»*. Речь идёт об *экономических и внеэкономических формах борьбы* в анализе

ленинского “Империализма”. Монетарная война «это прелюдия и продолжение обычной войны, с которой она теснейшим образом связана, потому что они преследуют одни и те же цели».

В более широком смысле, монетарные отношения – как и военные – также являются выражением соотношения сил между государствами. «Монетарный аспект является одним из фундаментальных аспектов капитализма, но прежде всего, это тот аспект, посредством которого мы можем видеть обобщёнными в количественном выражении все те многогранные отношения между различными экономиками и, в конечном счёте, между различными государствами»⁴. Поскольку монетарные отношения обобщают многочисленные социальные и политические отношения, они опираются и на военную мощь государств, и именно эта связь между монетарной мощью и военным перевооружением является наиболее значимым элементом вызова, который стоит перед ЕЦБ.

Лагард приводит три оценки, очерчивающие поле боя. В двух исторических прецедентах, напоминающих текущую ситуацию, доминирование доллара подвергалось сомнению в результате односторонних шагов самой американской метрополии: в 1930-х годах его доля в мировых резервах потеряла около 40 процентных пунктов, снизившись с более чем 60 до примерно 20 %; в 1970-х годах, после никсоновского шока, она потеряла около 20 процентных пунктов, с 70 до 50 %. Ни в том, ни в другом случае не было альтернативной валюты, способной заменить “гринбек”: между двумя войнами Лондон уже находился в упадке, а в 1970-х годах марка и иена «поддерживались слишком маленькими рынками»; образовавшуюся брешь временно заполнило золото. Сегодня, однако, с появлением евро существует вторая глобальная валюта.

Третье замечание касается связи между монетарной и военной мощью державы и долей в мировых резервах, которую эта «двойная сила» может обеспечить: до 30 процентных пунктов согласно исследованию Барри Эйхенгрин, которое мы в своё время освещали в нашей газете (“Доллар: между Марсом и Меркурием”, март 2018). Сегодня доля евро как расчётной валюты в мировом экспорте уже равна доле доллара (40 %), но его вес как резервной валюты составляет лишь треть от доллара (20 % против 58 %). «Существует предел», за которым валюта не может расти только за счёт торговли, но нуждается в «геополитических гарантиях», то есть в военной безопасности. Поэтому «предварительным условием» для того, чтобы посягнуть на эти 20, 30, 40 глобальных процентных пунктов является «реконструкция европейской жёсткой силы», с перевооружением «на национальном уровне и на уровне ЕС».

Мы наблюдаем чёткую линию на укрепление европейской мощи на ряде взаимосвязанных фронтов: финансовых, политических и военных. Ликвидность европейского рынка капитала зависит от предложения «надёжных активов», которые конкурируют с казначейскими облигациями США за глобальные финансовые потоки; но это, в свою очередь, требует, чтобы «укрепление европейской обороны [было] совместно профинансировано», то есть чтобы выпуск европейских долговых обязательств для перевооружения расширил валютную базу евро. Наконец, стабильность институтов, независимость монетарной власти и политическая надёжность ЕС также являются активами в монетарном противостоянии с трамповскими США; но время требует большей сплочённости и скорости принятия решений во внешней и оборонной политике.

В построениях Лагард нет прямого упоминания о ядерном измерении текущего перевооружения Европы, которое вносит свой вклад в монетарные отношения между великими державами. *Frankfurter Allgemeine Zeitung* подтверждает, что Франция и Германия конфиденциально обсуждают вопросы совместного использования ядерного оружия. Джеральд Браунбергер, один из редакторов, напоминает об оценке Эйхенгрин, согласно которой доля доллара в резервах держав с атомным оружием на 35 % ниже, чем у держав, зависящих от американского зонтика. Наконец, *Handelsblatt* публикует правительственный документ, согласно которому Париж и Берлин рассмотрят возможность использования «монетарных рычагов и инструментов сбережения» в атлантической торговой войне, то есть репрессий в отношении долговых бумаг США. Ядерное и валютное сдерживание переплетаются в немецких дебатах, которые в целом менее приучены, чем французские, к преждевременным и растянутым на десятилетия некрологам доллара.

В том же духе выступают Йозеф Брамль и Мэтью Берроуз в их новой книге “Грядущий мир”: *«общий долг [для] европейской обороны»* подорвёт роль доллара, уже подточенную зарождающимся долговым кризисом в США. *«Сильный евро»*, в свою очередь, обеспечит ЕС *«независимую внешнюю политику и политику безопасности»*.

Брамль, ранее представлявший немецкие аналитические центры SWP (Фонд науки и политики) и DGAP (Немецкое общество внешней политики), в своей предыдущей работе выступал за интеграцию европейской обороны вокруг франко-германского ядра, включая силы ядерного сдерживания; вместе с американцем Берроузом, бывшим сотрудником Госдепартамента и ЦРУ, он выступал за стратегическое использование евро в европейском перевооружении. Поразительно, что эти тезисы сопровождаются предложением умиротворяющего многополярного *«концерта»*. Сегодня война между великими державами была бы разрушительной и поглотила бы огромные ресурсы уже в первые *«тридцать часов»*; единственной альтернативой было бы признание Китая и постепенное возвращение России в лоно Запада, в то время как центральные банки “большой тройки” – США, ЕС и Китая – управляли бы экономикой. Однако это кажется невозможным, поскольку США *«не готовы к уступкам и компромиссам, необходимым для построения нового порядка, основанного на балансе сил»*. Таким образом, путь к перевооружению становится обязательным для каждой империалистической державы.

Уолтер Рассел Мид в своём комментарии к азиатскому форуму Шангри-Ла ухватывает *“чайтгайт”*, дух времени кризиса порядка: *«Новая эра войны между великими державами не является неизбежной, но её становится всё труднее избежать. Всем демократическим обществам в конечном итоге придётся считаться с этим нежелательным глобальным переходом от послевоенной к довоенной эпохе»*.

Три события знаменуют собой противостояние. Об одном из них – столкновении в Кашмире – мы уже писали на страницах этой газеты. По мнению Чжоу Бо, уполномоченного представителя китайских военных, это был “момент DeepSeek”, раскрывший китайские возможности, оказавшиеся в распоряжении Исламабада: *«беспрецедентная реклама»*, которая будет определять глобальный рынок оружия. И это ещё не всё: конфликт был *«сдержан»* ядерным статусом сторон; в том числе и на Украине российская атомная бомба сдерживает прямое участие НАТО в боевых действиях; Каждая из этих войн – в Кашмире, на Украине и на Среднем Востоке – по своему ставят под вопрос силы сдерживания; поэтому Китай должен продолжать наращивать свой арсенал, который *«не скомпromетирует»* его позицию *«достаточной обороны»*. Стокгольмский SIPRI утверждает, что с 2023 года темпы роста будут составлять 100 боеголовок в год.

Пекинская политика “неприменения первыми”, основанная на французской доктрине, требует достаточного количества ядерных боеголовок, чтобы выдержать первый удар противника и обеспечить возможность нанесения второго удара. Этот *«минимальный уровень»*, по словам Чжоу, не может быть определён количественно, поскольку потребности в безопасности *«изменяются»* в зависимости от глобального контекста. Даже если китайский арсенал увеличится с 600 до 1500 боеголовок в 2035 году, Дракон всё равно сможет утверждать, что обладает *недостаточным* сдерживающим потенциалом по сравнению с американскими и российскими средствами и прогнозируемым уровнем противостояния в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

По сути, в интерпретации Чжоу, *ядерная достаточность в кризисе порядка* не может быть такой же, как на предыдущем этапе *мирного восхождения*. Соотношение сил берёт верх над подходами и доктринами. Об этом свидетельствует и новый военный кризис в Персидском заливе. США снова действуют там в одностороннем порядке, демонстрируя военно-политическую силу на всех направлениях. С одной стороны, МОАВ, “мать всех бомб”, сброшенная на Иран, ложится на стол европейской дипломатии – Лондон, Париж и Берлин вовлечены в переговоры с Тегераном в рамках “шестёрки”. С другой стороны, пишет Дин Ган из “Женьминь Жибао”, удар восстанавливает *«сдерживание»*, но открывает *«чёрную дыру»* в режиме нераспространения. *«Средние державы будут убеждены, что они могут защитить себя только с помощью ядерного оружия, [а] страны, находящиеся на ядерном пороге»* будут считать, что они должны его преодолеть, что запустит *«цепочку распространения»*, которая ускорит распад старого порядка – причём не обязательно в интересах Китая, как в Персидском заливе, так и в Азии. Это не исключает ни тактического сближения с

Вашингтоном для стабилизации Ормузского пролива, ни даже неявного сближения для противодействия иранской атомной бомбе.

Наконец, саммит в Гааге. НАТО отказывается от прежнего стандарта в 2 % ВВП на военные расходы, который в Европе уже обогнали планы перевооружения Еврокомиссии и государств. Формула 3,5 % на оборону плюс 1,5 % на стратегическую инфраструктуру оказалась, по существу, всё той же *новой нормой*, принятой Германией. Таким образом, Европа активно перевооружается, хотя и в неопределённых атлантических рамках. Гонка идёт на монетарном, обычном и всё более ядерном уровне.

Июнь 2025 г.

¹ - См. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 7. С. 232.

² - Черветто А. Трудный вопрос времени. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей»», 2007. С. 18.

³ - См. Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 47. С. 225.

⁴ - Черветто А. Унитарный империализм: в 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 2. С. 264 (*перевод исправлен*).